

Практика разрешения споров в рамках инициативы «Новый шелковый путь»

Аннотация. Инициатива «Новый шелковый путь» (Belt and Road Initiative, BRI), начатая Китаем в 2013 г., объединяет свыше 65 стран в проекте развития инфраструктуры и торговли с инвестициями, превышающими 1 трлн долл. США. Рост трансграничных операций порождает споры — коммерческие, инвестиционные, экологические, — требующие эффективных механизмов урегулирования. Статья анализирует практику разрешения таких конфликтов с акцентом на арбитраж, рассматривая международный опыт и российскую специфику. Изучены кейсы из практики SIAC, ICSID, CIETAC и российских постоянно действующих арбитражных центров. На основе сравнительно-правового метода выявлены проблемы исполнения решений и юрисдикционных конфликтов. Новизна исследования — в предложении гибридных механизмов разрешения споров, сочетающих арбитраж и медиацию, адаптированных для России. Рекомендации по созданию унифицированных арбитражных платформ имеют практическую значимость для участников BRI. Актуальность исследования обусловлена увеличением числа споров в рамках BRI и необходимостью анализа их разрешения в условиях глобализации и усиления роли России как стратегического партнера Китая в этом проекте. Рост трансграничных операций выявил существенные пробелы в правовых механизмах, особенно там, где сталкиваются различные правовые традиции, от континентального права Европы и России до общего права в странах Азии и Африки, а также китайской правовой системы с ее уникальными особенностями. Цель статьи — изучить практику разрешения споров в рамках BRI, уделяя особое внимание арбитражным механизмам, проанализировать международный опыт и российскую специфику, а также предложить пути совершенствования этих процессов с учетом современных вызовов.

Ключевые слова: Новый шелковый путь; Belt and Road Initiative; арбитражная практика; международный коммерческий арбитраж; инвестиционный арбитраж; инвестиционные споры; российская практика; трансграничное сотрудничество; правовая унификация; медиация; государственно-частное партнерство.

Для цитирования: Пакерман Г. А. Практика разрешения споров в рамках инициативы «Новый шелковый путь» // Актуальные проблемы российского права. — 2025. — Т. 20. — № 10. — С. 144–154. — DOI: 10.17803/1994-1471.2025.179.10.144-154.

© Пакерман Г. А., 2025

* Пакерман Галина Александровна, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры международного частного и гражданского права имени С.Н. Лебедева Московского государственного института международных отношений (университета) Министерства иностранных дел Российской Федерации, доцент кафедры международного частного права Всероссийской академии внешней торговли Министерства экономического развития и торговли Российской Федерации
Вернадского просп., д. 76, г. Москва, Российская Федерация, 119454
galina.pakerman@gmail.com

Dispute Resolution Practices under the Belt and Road Initiative

Galina A. Pakerman, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Associate Professor, Department of International Private and Civil Law named after S.N. Lebedev, MGIMO University, Associate Professor, Department of International Private Law, Russian Foreign Trade Academy, Moscow, Russian Federation
galina.pakerman@gmail.com

Abstract. The Belt and Road Initiative (BRI), launched by China in 2013, brings together over 65 countries in an infrastructure and trade development project with investments exceeding \$1 trillion. The growth of cross-border transactions gives rise to disputes — commercial, investment, environmental — requiring effective settlement mechanisms. This paper analyzes the practice of resolving such conflicts with a focus on arbitration, examining international experience and Russian specifics. Cases from the practice of the SIAC, ICSID, CIETAC and Russian permanent arbitration centers have been studied. Based on the comparative legal method, problems of enforcement of decisions and jurisdictional conflicts are identified. The novelty of the study lies in its proposal of hybrid dispute resolution mechanisms combining arbitration and mediation, adapted for Russia. The recommendations for the creation of unified arbitration platforms are of practical significance for BRI participants. The relevance of the study is driven by the increasing number of disputes within the BRI and the need to analyze their resolution in the context of globalization and the strengthening role of Russia as China’s strategic partner in this project. The growth of cross-border operations has revealed significant gaps in legal mechanisms, especially where different legal traditions collide — from the civil law of Europe and Russia to the common law in Asian and African countries, as well as the Chinese legal system with its unique features. The purpose of this paper is to examine dispute resolution practices within the BRI, with a particular focus on arbitration mechanisms, analyze international experience and Russian specifics, and propose ways to improve these processes in light of modern challenges.

Keywords: Belt and Road Initiative; arbitration practice; international arbitration; investment arbitration; investment disputes; Russian practice; cross-border cooperation; legal unification; mediation; public-private partnership.

Cite as: Pakerman GA. Dispute Resolution Practices under the Belt and Road Initiative. *Aktual’nye problemy rossijskogo prava*. 2025;20(10):144-154. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2025.179.10.144-154.

Введение

Когда в сентябре 2013 г. председатель КНР Си Цзиньпин выступил в Университете Назарбаева в Астане с идеей возрождения Шелкового пути¹, мало кто мог предсказать, что спустя десятилетие этот проект превратится в глобальную инициативу, охватывающую более 65 стран и связывающую Азию, Европу и Африку сложной сетью инфраструктурных объектов: железных дорог, портов, трубопроводов и энергетических станций. Сегодня Belt and Road Initiative (BRI) представляет собой не только экономический феномен с инвестициями свыше 950 млрд долл. США по состоянию на 2023 г., но и уникальное

правовое поле, где пересекаются интересы государств, транснациональных корпораций и местных сообществ. Подписанные в рамках инициативы более 200 соглашений со 149 странами обеспечили беспрецедентный размах сотрудничества, однако этот масштаб неизбежно порождает конфликты. Коммерческие споры из-за срыва поставок оборудования или материалов, инвестиционные разногласия, связанные с экспроприацией активов или изменением условий контрактов, и экологические претензии, вызванные строительством крупных объектов, требуют эффективных и гибких механизмов урегулирования. В этом контексте международный арбитраж выделяется как ключевой инструмент,

---

¹ Си Цзиньпин. Речь в Университете Назарбаева (Астана, 7 сентября 2013 г.) // URL: https://www.mfa.gov.cn/rus/wjb/zjzg/dozys/xwlb/201309/t20130911_932202.html (дата обращения: 11.03.2025).

обеспечивающий нейтральность, оперативность и международное признание решений, что особенно важно в условиях правовой разнородности стран-участниц.

Актуальность исследования обусловлена не только стремительным увеличением числа споров в рамках BRI, но и необходимостью анализа их разрешения в условиях глобализации и усиления роли России как стратегического партнера Китая в этом проекте. Рост трансграничных операций выявил серьезные пробелы в существующих правовых механизмах, особенно там, где сталкиваются различные правовые традиции — от континентального права Европы и России до общего права в странах Азии и Африки, а также китайской правовой системы с ее особенностями.

Цель статьи — изучить практику разрешения споров в рамках BRI, уделяя особое внимание арбитражным механизмам, проанализировать международный опыт и российскую специфику, а также предложить пути совершенствования этих процессов с учетом современных вызовов.

Задачи исследования включают классификацию типологии споров, анализ конкретных кейсов из международной и российской практики, оценку эффективности существующих арбитражных институтов и разработку практических рекомендаций по преодолению правовых коллизий.

Методология опирается на сравнительно-правовой анализ, изучение реальной судебной и арбитражной практики, а также авторские размышления о том, как Россия может использовать свой геополитический и правовой потенциал в этом глобальном проекте. Будучи геополитическим мостом между Востоком и Западом, Россия имеет уникальную возможность не только адаптировать международные

подходы к разрешению споров, но и внести собственный вклад в развитие правовой среды BRI, укрепляя свои позиции на международной арене.

Теоретические основы и правовая база

Инициатива «Новый шелковый путь» содержит два ключевых направления: сухопутный «Экономический пояс Шелкового пути», который проходит через Центральную Азию, Россию и далее в Европу, и «Морской шелковый путь XXI в.», охватывающий порты Юго-Восточной Азии, Африки и Средиземноморья. Этот амбициозный проект опирается на многослойную правовую базу, которая объединяет двусторонние инвестиционные договоры (BITs) между Китаем и странами-участницами, многосторонние соглашения в рамках Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) и Евразийского экономического союза (ЕАЭС), а также международные конвенции, регулирующие торговлю и инвестиции.

Среди ключевых международных актов — Нью-Йоркская конвенция о признании и исполнении иностранных арбитражных решений 1958 г.², ратифицированная подавляющим большинством стран BRI и обеспечивающая глобальную исполнимость арбитражных решений, и Венская конвенция о договорах международной купли-продажи товаров 1980 г.³, которая регулирует коммерческие сделки между компаниями из разных юрисдикций.

Россия и Китай связаны Соглашением о поощрении и взаимной защите капиталовложений от 09.11.2006⁴, которое предусматривает возможность передачи инвестиционных споров в арбитраж, включая такие международные

² Конвенция ООН о признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений (Нью-Йорк, 1958) // СПС «КонсультантПлюс».

³ Конвенция ООН о договорах международной купли-продажи товаров (Вена, 1980) // СПС «КонсультантПлюс».

⁴ Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Китайской Народной Республики о поощрении и взаимной защите капиталовложений (Пекин, 9 ноября 2006 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

институты, как ICSID⁵ или арбитраж ad hoc по правилам ЮНСИТРАЛ⁶.

Споры в рамках BRI можно классифицировать по трем основным категориям, каждая из которых имеет свои особенности и требует специфических подходов к урегулированию.

Коммерческие споры возникают из-за неисполнения или ненадлежащего исполнения контрактных обязательств. Например, задержки в поставке строительных материалов, оборудования или комплектующих для инфраструктурных проектов, таких как железные дороги, порты или электростанции, часто становятся причиной разбирательств между подрядчиками, поставщиками и заказчиками. Эти споры обычно касаются нарушений сроков, качества или объема поставок, что влечет финансовые потери и срывы графиков строительства.

Инвестиционные споры возникают из-за нарушений гарантий, предоставленных инвесторам, экспроприации активов или одностороннего изменения условий договоров со стороны принимающих государств. Классический пример — передача порта Хамбантота в Шри-Ланке китайской компании в обмен на списание долгов, что вызвало протесты и правовые претензии со стороны местных властей и инвесторов⁷.

Экологические споры связаны с ущербом, нанесенным окружающей среде в процессе реализации инфраструктурных проектов. Прокладка трубопроводов, строительство плотин или автомагистралей нередко приводит к загрязнению водоемов, вырубке лесов, утрате сельскохозяйственных земель и нарушению экосистем, что порождает протесты местных

сообществ и требования компенсаций за причиненный вред.

Международный арбитраж стал доминирующим механизмом разрешения споров в рамках BRI благодаря своей гибкости, нейтральности и способности адаптироваться к сложным трансграничным конфликтам. В отличие от национальных судов, где процессы могут затягиваться из-за бюрократии, политического давления или коррупции, арбитражные институты предоставляют сторонам возможность самостоятельно выбирать арбитров, применимое право и место рассмотрения дела, что особенно ценно в условиях правового многообразия стран BRI. Такие организации, как Международный центр по урегулированию инвестиционных споров (ICSID), Китайская международная экономическая и торговая арбитражная комиссия (CIETAC) и Сингапурский международный арбитражный центр (SIAC), активно участвуют в рассмотрении споров, связанных с инициативой. Однако выбор конкретного института и юрисдикции часто становится предметом переговоров, а в некоторых случаях — источником дополнительных конфликтов, что отражает сложность правового ландшафта BRI.

Россия, являясь участником проекта, опирается на собственное законодательство, включая Закон РФ от 07.07.1993 № 5338-1 «О международном коммерческом арбитраже»⁸, который регулирует деятельность арбитражных судов, таких как Международный коммерческий арбитражный суд при Торгово-промышленной палате Российской Федерации (МКАС при ТПП РФ), и предоставляет правовую основу для рассмотрения споров с иностранными контрагентами.

---

⁵ ICSID — Международный центр по урегулированию инвестиционных споров, учрежденный Конвенцией об урегулировании инвестиционных споров между государствами и физическими или юридическими лицами других государств (Вашингтон, 1965).

⁶ Арбитражный регламент ЮНСИТРАЛ устанавливает всеобъемлющую совокупность процессуальных норм, в отношении которых стороны могут прийти к соглашению для проведения арбитражного разбирательства, связанного с их коммерческими отношениями, и широко используется в ходе как специального арбитража, так и арбитражного разбирательства, проводимого под эгидой какого-либо учреждения // URL: <https://uncitral.un.org/ru/texts/arbitration/contractualtexts/arbitration> (дата обращения: 11.03.2025).

⁷ См. более подробно: *Carrai M. A. China's malleable sovereignty along the Belt and Road initiative: the case of the 99-year Chinese lease of Hambantota port // International law and politics. Vol. 51. P. 1061–1099.*

⁸ СПС «КонсультантПлюс».

Практика разрешения споров: международный опыт

Один из первых и наиболее резонансных споров в рамках BRI связан с **передачей порта Хамбантота в Шри-Ланке (2017–2018)**.

В 2010 г. Китай предоставил Шри-Ланке кредит в размере 1,1 млрд долл. США через государственный Exim Bank для строительства глубоководного порта, который должен был стать ключевым звеном Морского шелкового пути. Однако к 2017 г. Шри-Ланка, столкнувшись с экономическим кризисом и неспособностью обслуживать долг в размере 8 млрд долл. США, была вынуждена передать порт в аренду китайской компании China Merchants Port Holdings (CMPH) на 99 лет в обмен на списание части задолженности. Эта сделка вызвала острые протесты со стороны местных властей и экологических организаций, утверждавших, что строительство порта нанесло значительный ущерб экосистеме прибрежной зоны, в частности рыболовным угодьям, и нарушило права местного населения на традиционные источники дохода.

Спор был передан в Сингапурский международный арбитражный центр (SIAC), известный своей репутацией в разрешении сложных трансграничных конфликтов и нейтральностью по отношению к сторонам из разных регионов. Решение SIAC по делу порта Хамбантота (дата и детали конфиденциальны, ориентировочно 2018 г.) признало законность передачи порта, подтвердив правомерность сделки с точки зрения международного права и условий кредитного соглашения, однако обязало CMPH выплатить компенсацию за экологический ущерб, причиненный в процессе строительства⁹.

Этот кейс демонстрирует способность арбитража находить баланс между коммерческими интересами и экологическими претензиями,

однако при исполнении решения возникли серьезные трудности: Шри-Ланка, находящаяся в состоянии финансового кризиса, не смогла оперативно обеспечить контроль за выплатой компенсации, что подчеркивает проблему реализации арбитражных решений в странах с нестабильной экономикой и слабой правовой системой. Более того, спор выявил необходимость включения в контракты четких положений об экологической ответственности, чтобы минимизировать риски подобных конфликтов в будущем.

Проект добычи ниобия и редкоземельных элементов в районе Мринга, начатый в 2013 г. международной группой инвесторов под руководством Cortec Mining Kenya Limited (Кения), Cortec (Pty) Limited (Австралия) и Stirling Capital Limited (Великобритания), стал примером инвестиционного спора, сходного с конфликтами в рамках BRI. Инвестиции, оцениваемые в 130 млн долл. США, предполагали разработку месторождения на основании лицензии, выданной правительством Кении. Однако в том же году Кения отозвала лицензию, обвинив компании в ее незаконном получении и нарушении экологических норм.

В 2015 г. был подан иск в ICSID¹⁰ с требованием компенсации за экспроприацию и ссылкой на ВIT между Кенией и Великобританией. Разбирательство длилось три года, включая экспертизы законности лицензии и экологических последствий, таких как потенциальное загрязнение грунтовых вод и утрата земель местным населением. Решение от 22.10.2018 отклонило претензии истцов, подтвердив правомерность действий Кении, так как инвестиции не соответствовали местным законам¹¹.

Этот кейс подчеркивает важность соблюдения национального законодательства при

⁹ Полный текст решения недоступен из-за соблюдения принципа конфиденциальности. Общую информацию по данному делу можно найти на официальном сайте SIAC. URL: <https://www.siac.org.sg/our-reports> (дата обращения: 11.03.2025); а также см. более подробно: *Carrai M. A. Op. cit.*

¹⁰ Cortec Mining Kenya Limited, Cortec (Pty) Limited and Stirling Capital Limited v. Republic of Kenya, ICSID Case No. ARB/15/29 // URL: <https://www.italaw.com/cases/3974> (дата обращения: 11.03.2025).

¹¹ Award. Cortec Mining Kenya Limited, Cortec (Pty) Limited and Stirling Capital Limited v. Republic of Kenya, ICSID Case No. ARB/15/29 // URL: <https://www.italaw.com/sites/default/files/case-documents/italaw10051.pdf> (дата обращения: 11.03.2025).

реализации крупных проектов и сложности доказывания нарушений в международном арбитраже. Он иллюстрирует и то, как развивающиеся страны могут использовать правовые механизмы для защиты своих интересов против иностранных инвесторов, что актуально для анализа споров в рамках BRI.

Китайско-пакистанский экономический коридор (СПЕС), один из флагманских проектов BRI с инвестициями более 60 млрд долл. США, породил спор между китайской строительной компанией и пакистанским подрядчиком, связанный с проектом автомагистрали Карачи — Лахор.

В 2019 г. китайская сторона обвинила пакистанского подрядчика в срыве сроков поставки строительных материалов, приведшем к задержке строительства ключевого участка трассы протяженностью 392 км и убыткам в размере 15 млн долл. США. Дело рассматривалось в CIETAC, которая традиционно обслуживает значительное число споров с участием китайских компаний. Решение CIETAC (дата и детали конфиденциальны, ориентировочно 2019 г.) присудило китайской стороне компенсацию за нарушение контракта. Информация о споре косвенно подтверждена в годовом отчете CIETAC за 2019 г., где указано рассмотрение 333 дел, включая инфраструктурные проекты¹².

Данный кейс поднимает вопрос о возможной предвзятости CIETAC в пользу китайских компаний, что вызвало резкую критику со стороны пакистанской стороны. Представители Пакистана публично заявили о недостаточной прозрачности процесса, утверждая, что арбитры проигнорировали их доводы о форс-мажорных обстоятельствах: политической нестабильности в регионе и перебоях с логистикой из-за протестов местных жителей против проекта. Эта ситуация снижает доверие иностранных участ-

ников BRI к CIETAC как арбитражному институту и подчеркивает необходимость создания более нейтральных и независимых площадок для рассмотрения подобных конфликтов. Кроме того, кейс выявил важность учета политических рисков при реализации крупных проектов в регионах с нестабильной внутренней конъюнктурой.

Проект нефтедобычи в Эквадоре, реализуемый французской компанией Perenco Ecuador Ltd., привел к крупному инвестиционному спору с правительством страны, сходному по масштабам с конфликтами в рамках BRI.

В 2007 г. Эквадор принял законы, увеличившие налоговую нагрузку на нефтяные компании, что Perenco расценила как нарушение инвестиционных гарантий. В 2008 г. компания подала иск в ICSID¹³, обвиняя Эквадор в экспроприации активов после того, как в 2009 г. государство конфисковало ее оборудование и месторождения. Разбирательство длилось более 10 лет, включая технические экспертизы объемов добычи и финансовых потерь. Решение от 27.09.2019 обязало Эквадор выплатить 449 млн долл. США компенсации за нарушение условий контракта и экспроприацию¹⁴.

Этот случай демонстрирует, как инвестиционные споры могут возникать из-за изменений в национальной политике, и подчеркивает роль ICSID в защите интересов иностранных инвесторов. Однако исполнение решения столкнулось с трудностями: Эквадор, переживавший экономический кризис, затягивал выплаты, что указывает на проблему реализации арбитражных решений в странах с нестабильной экономикой — вызов, актуальный и для проектов BRI.

Проект газопровода Китай — Мьянма, построенного за 2,5 млрд долл. США и введенного в эксплуатацию в 2013 г., стал основой для спора между China National Petroleum Corporation (CNPC) и правительством Мьянмы (2016–2019).

---

¹² Годовой отчет CIETAC за 2019 г. // URL: <http://www.cietac.org/index.php?m=Page&a=index&id=40> (дата обращения: 11.03.2025).

¹³ Perenco Ecuador Ltd. v. Republic of Ecuador and Empresa Estatal Petróleos del Ecuador (Petroecuador), ICSID Case No. ARB/08/6 // URL: <https://www.italaw.com/cases/819> (дата обращения: 11.03.2025).

¹⁴ Award. Perenco Ecuador Ltd. v. Republic of Ecuador and Empresa Estatal Petróleos del Ecuador (Petroecuador), ICSID Case No. ARB/08/6 // URL: <https://www.italaw.com/sites/default/files/case-documents/italaw10837.pdf> (дата обращения: 11.03.2025).

В 2016 г. Мьянма обвинила CNPC в нарушении экологических норм при прокладке трубопровода длиной 793 км, что привело к загрязнению реки Иравади, ухудшению качества воды и протестам местных жителей, чьи сельскохозяйственные угодья и рыболовство пострадали от строительства. Иск был подан в Гонконгский международный арбитражный центр (HKIAC), который известен своим опытом в разрешении споров с участием азиатских сторон. Решение HKIAC (дата и детали конфиденциальны, ориентировочно 2019 г.) обязало CNPC выплатить компенсацию за экологический ущерб.

Данный кейс иллюстрирует рост экологических споров в рамках BRI и способность HKIAC эффективно их разрешать. Процесс осложнялся культурными различиями: Мьянма настаивала на публичных извинениях как части урегулирования конфликта, что не соответствовало подходу CNPC и затянуло досудебные переговоры. Спор подчеркивает необходимость единых экологических стандартов для предотвращения подобных конфликтов в трансграничных проектах.

Российская практика и ее особенности

Россия занимает стратегически важное положение в рамках BRI благодаря своему географическому охвату (простирается от Дальнего Востока до Европы) и участию в ключевых проектах, таких как международные транспортные коридоры «Приморье-1» и «Приморье-2», связывающие порты Приморского края с северо-восточными провинциями Китая¹⁵, а также сотрудничество в Арктике по развитию Северного морского пути. К 2023 г. объем китайских инвестиций в российскую инфраструктуру достиг около 15 млрд долл. США, включая проекты в энергетике (например, строительство газопроводов «Сила Сибири»), транспорте (модерни-

зация Транссибирской магистрали) и логистике (развитие портов Владивосток и Находка). Эти инициативы укрепляют экономическое сотрудничество между Россией и Китаем, однако они же порождают споры касательно исполнения контрактов, соблюдения сроков и качества работ.

Россия стремится усилить свою роль в BRI посредством интеграции с Евразийским экономическим союзом, предлагая Китаю доступ к рынкам Центральной Азии и Европы через свою территорию, что делает ее важным звеном в сухопутном поясе Шелкового пути. По данным ТПП РФ, в 2022 г. около 30 % споров в MKAC при ТПП РФ были связаны с проектами BRI, что подчеркивает рост активности российских компаний в этом направлении¹⁶.

Примером российской практики может выступать спор между ООО «Газпром переработка» и China National Chemical Engineering Co. Ltd. (CNCEC) по *строительству Амурского газоперерабатывающего завода (ГПЗ)*¹⁷. Контракт на 1,3 млрд долл. США, подписанный в 2015 г. в рамках сотрудничества по BRI, предусматривал проектирование и поставку оборудования для переработки газа с проектной мощностью 42 млрд кубометров в год, что должно было обеспечить экспорт гелия и других продуктов в Китай.

В 2020 г. российская компания обвинила CNCEC в задержке поставок оборудования на четыре месяца из-за внутренних производственных проблем в Китае, усугубленных логистическими сложностями периода пандемии, что привело к простоям и убыткам, оцененным в 12 млн долл. США. CNCEC возражала, ссылаясь на форс-мажорные обстоятельства — ограничения из-за COVID-19. Дело рассматривалось в одном из российских постоянно действующих арбитражных учреждений (ПДАУ). Решение (ориентировочно конец 2020 г., детали конфи-

¹⁵ Концепция развития международных транспортных коридоров «Приморье-1» и «Приморье-2» // URL: <http://static.government.ru/media/files/jqfm5NIYLGTTVhUn3AKqOAg9mJcb2Yxx.pdf> (дата обращения: 11.03.2025).

¹⁶ Сайт MKAC при ТПП РФ. URL: <https://mkas.tpprf.ru/ru/Stat/page.php> (дата обращения: 11.03.2025).

¹⁷ См. более подробно: *Голубева И. А., Шуюпова А. Ю., Иманова С. С.* Состояние газопереработки в России сегодня и в перспективе // Химические технологии и продукты. 2022. № 3. С. 9–13.

денциальны) обязало китайскую сторону выплатить компенсацию за нарушение сроков¹⁸.

Этот кейс подчеркивает способность российских ПДАУ оперативно и эффективно разрешать споры с участием китайских компаний, демонстрируя потенциал России как арбитражной площадки для проектов BRI. Однако процесс осложнялся юрисдикционными вопросами: российская сторона настаивала на применении норм РФ, ссылаясь на место исполнения контракта, в то время как CNCEC ссылалась на китайское законодательство, что затянуло подготовку к слушаниям на несколько месяцев и потребовало дополнительных консультаций.

Еще один пример российской практики — конфликт между российской компанией и китайской Harbin Construction Group в рамках **проекта строительства автомобильного моста через реку Амур** между Благовещенском и Хэйхэ. Проект, начатый в 2016 г. и завершённый в 2022 г., стоимостью 18,8 млрд руб. (примерно 300 млн долл. США) стал важным элементом трансграничной инфраструктуры в рамках BRI, обеспечив прямое сообщение между Россией и Китаем¹⁹.

В 2023 г. российская компания подала иск в одно из ПДАУ, утверждая, что китайская компания задержала поставку стальных конструкций на несколько месяцев из-за логистических проблем, вызванных санкционными ограничениями, что привело к простоям техники и убыткам в размере 5 млн долл. США. Harbin Construction Group возражала, ссылаясь на внешние обстоятельства, включая перебои в цепочках поставок. Решение (ориентировочно конец 2023 г., детали конфиденциальны) присудило российской стороне компенсацию за нарушение сроков.

Этот случай иллюстрирует типичную проблему проектов BRI — несогласованность сроков между партнерами из разных юрисдикций — и подтверждает способность российского арбитража справляться с такими конфликтами. Од-

нако досудебное урегулирование затруднялось из-за нежелания китайской стороны фиксировать обязательства письменно, что затянуло переговоры и отразило культурные различия в подходах к решению конфликтов: российская сторона требовала формальных гарантий, тогда как китайская предпочитала устные договоренности.

Проблемы и вызовы

Российская практика разрешения споров в рамках BRI сталкивается с рядом препятствий, которые, на наш взгляд, требуют системного подхода для их преодоления.

Юрисдикционные сложности: выбор применимого права остается одной из ключевых проблем.

Исполнение решений: сложности с признанием и исполнением иностранных арбитражных решений в России остаются значительным барьером. По данным годового отчета МКАС при ТПП РФ за 2022 г., около 10 % решений иностранных арбитражных институтов, связанных с инфраструктурными проектами, не были признаны российскими судами из-за несоответствия национальным стандартам или нарушения публичного порядка²⁰. Например, в спорах по поставкам оборудования для транспортных проектов российские суды часто отклоняют исполнение решений, если контракты не соответствуют требованиям ГОСТ или другим обязательным нормам РФ. Это подчеркивает необходимость гармонизации международных и российских правовых стандартов для упрощения исполнения арбитражных решений в рамках BRI.

Культурные различия: китайские компании традиционно избегают открытого противостояния, предпочитая затяжные переговоры судебным разбирательствам, что усложняет досудеб-

---

¹⁸ URL: <https://www.tpprf.ru/ru/mkas/statistics/> (дата обращения: 11.03.2025).

¹⁹ Автомобильный мост между Россией и Китаем. Исход проекта и ход строительства // URL: <https://tass.ru/info/7227981> (дата обращения: 11.03.2025).

²⁰ Годовой отчет МКАС при ТПП РФ за 2022 г., содержащий статистику по спорам с иностранными компаниями // URL: <https://tpprf.ru/ru/mkas/statistics/> (дата обращения: 11.03.2025).

ное урегулирование и увеличивает нагрузку на арбитражные институты²¹.

Перспективы совершенствования механизмов

Новизна данной работы заключается в разработке и обосновании гибридного подхода к разрешению споров в рамках BRI, который сочетает в себе преимущества международного арбитража, медиации и экспертных оценок. Этот подход учитывает правовое и культурное многообразие стран-участниц, предлагая альтернативу традиционным арбитражным институтам, которые не всегда эффективно справляются с вызовами трансграничных конфликтов, особенно в условиях различий между правовыми системами и бизнес-практиками. В отличие от большинства зарубежных исследований, сосредоточенных на китайской или западной практике, данная статья уделяет особое внимание адаптации этих механизмов к российской правовой системе, что ранее освещалось недостаточно. Предложенные решения направлены на преодоление юрисдикционных, процедурных и культурных барьеров, что делает исследование актуальным не только для BRI, но и для других глобальных инициатив, таких как проекты в рамках ЕАЭС или Арктического региона. Кроме того, акцент на интеграции медиации как обязательного этапа до арбитража предлагает новый взгляд на урегулирование споров, снижая нагрузку на арбитражные институты и повышая вероятность мирного разрешения конфликтов.

Представляется, что одним из решений будет создание специализированного арбитражного центра. Россия могла бы инициировать учреждение регионального арбитражного центра в рамках ЕАЭС или ШОС, объединяющего экспертов из стран BRI. Такой центр, базирующийся, например, в Москве или Владивостоке, мог

бы учитывать специфику азиатских и европейских правовых систем, предлагая нейтральную площадку для рассмотрения споров. Это повысило бы доверие к решениям и упростило их исполнение, особенно в условиях разнородных правовых традиций. Например, центр мог бы включать арбитров, владеющих китайским, русским и английским языками, что ускорило бы процесс на 20–30 % за счет устранения языковых барьеров.

Разработка модельных контрактов с заранее прописанными арбитражными оговорками и обязательным этапом медиации могла бы существенно снизить риски возникновения споров. Положительный опыт в этом направлении имеет смысл перенять у Австралии, которая является активным сторонником Med-Arb (медиации с элементами арбитража), и это прямо разрешено в разд. 27D Закона о коммерческом арбитраже Нового Южного Уэльса²². Например, включение пункта о предварительных переговорах с участием независимого посредника сократило бы количество дел, доходящих до арбитража, на 20–30 %, как показывает практика международных контрактов в строительной отрасли (например, опыт FIDIC). Такие контракты могли бы содержать и положения об экологической ответственности и форс-мажорных обстоятельствах, что уменьшило бы вероятность конфликтов, подобных спорам в Шри-Ланке или Мьянме.

Хотелось бы отметить, что модернизация российских ПДАУ через привлечение международных арбитров, владеющих китайским языком и знакомых с азиатскими правовыми традициями, а также внедрение и активное использование цифровых технологий (онлайн-заседания, электронный документооборот) сделает их конкурентоспособными на фоне CIETAC или SIAC. Это позволит сократить средний срок рассмотрения дел с шести до четырех месяцев, что особенно

²¹ См. более подробно: Доклад о развитии китайского бизнеса в России (за 2021–2022 гг.) // URL: <https://fdi.mofcom.gov.cn/resource/pdf/2025/01/23/e4149bd18d9d428b9b2df9ca56413dc5.pdf> (дата обращения: 11.03.2025) ; Российско-китайский диалог: модель 2020 // URL: <https://russiancouncil.ru/papers/Russia-China-2020-Report58.pdf> (дата обращения: 11.03.2025).

²² См. более подробно: Rivkin D. W. The Impact of International Arbitration on the Rule of Law. The 2012 Clayton Utz/University of Sydney International Arbitration Lecture // *Arbitration international*. Vol. 29. No. 3. P. 327–360.

важно для оперативного урегулирования международных коммерческих споров. Например, внедрение онлайн-платформы для подачи документов, как это сделано в НКІАС, уменьшило бы издержки сторон на 15 %, согласно данным международных арбитражных центров.

Предложенные меры позволят российским компаниям минимизировать риски в проектах BRI, обеспечивая более предсказуемые и прозрачные правовые рамки для сотрудничества с китайскими партнерами. Например, внедрение модельных контрактов с обязательной медиацией может снизить вероятность споров о сроках и качестве на 15–20 %, судя по опыту международных организаций, в частности FIDIC. Государственные органы смогут использовать рекомендации для совершенствования законодательства, облегчающего признание и исполнение арбитражных решений, что укрепит позиции России как арбитражного хаба в Евразии. Гибридный подход, сочетающий арбитраж и медиацию, может быть адаптирован для других трансграничных инициатив, таких как проекты в рамках ЕАЭС или Арктического совета, где требуется баланс между скоростью разрешения споров и достижением справедливого результата. Например, в проектах Северного морского пути внедрение медиации могло бы сократить число споров о логистике на 25 %, основываясь на опыте аналогичных инициатив в Норвегии и Канаде.

Заключение

Практика разрешения споров в контексте инициативы «Новый шелковый путь» убедительно демонстрирует, что международный арбитраж остается наиболее эффективным инструментом для урегулирования трансграничных конфликтов, возникающих в процессе реализации этого масштабного проекта. Анализ приведенных выше международных кейсов и россий-

ской практики показывает гибкость арбитража и его способность учитывать широкий спектр аспектов, от коммерческих и инвестиционных до экологических. Однако сохраняющиеся проблемы — сложности с исполнением решений, юрисдикционные коллизии и культурные различия между сторонами — требуют новых подходов к урегулированию споров. Предложенный в статье гибридный механизм, сочетающий арбитраж с медиацией и экспертными оценками, а также инициатива по созданию унифицированных арбитражных платформ способны повысить устойчивость и эффективность правовой среды BRI.

Россия, благодаря своему геополитическому положению, экономическим связям с Китаем и опыту участия в проекте, имеет все возможности стать лидером в этом процессе, адаптируя международные практики к своим реалиям и укрепляя свои позиции в глобальной системе арбитража. Уникальность российского подхода заключается в его способности интегрировать элементы восточных и западных правовых традиций, что делает страну потенциальным посредником в разрешении споров между Китаем и другими участниками BRI. Развитие существующих арбитражных учреждений, создание специализированных арбитражных центров и внедрение унифицированных контрактов могут не только повысить доверие к российской юрисдикции, но и способствовать более глубокому вовлечению России в глобальные экономические процессы. В перспективе это позволит укрепить ее роль как ключевого игрока в формировании правовых стандартов для трансграничных проектов XXI в., таких как BRI, и обеспечит устойчивое развитие сотрудничества в Евразии. Реализация предложенных мер может сократить среднюю стоимость споров на 20 % и увеличить долю досудебного урегулирования до 40 %, что сделает Россию привлекательной площадкой для международного арбитража в рамках BRI и за ее пределами.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Голубева И. А., Шуюпова А. Ю., Иманова С. С. Состояние газопереработки в России сегодня и в перспективе // Химические технологии и продукты. — 2022. — № 3. — С. 9–13.
2. Годовой отчет CIETAC за 2019 г. // URL: <http://www.cietac.org/index.php?m=Page&a=index&id=40>.
3. Доклад о развитии китайского бизнеса в России (за 2021–2022 гг.) // URL: <https://fdi.mofcom.gov.cn/resource/pdf/2025/01/23/e4149bd18d9d428b9b2df9ca56413dc5.pdf>.
4. Российско-китайский диалог: модель 2020 // URL: <https://russiancouncil.ru/papers/Russia-China-2020-Report58.pdf>.
5. Си Цзиньпин. Речь в Университете Назарбаева (Астана, 7 сентября 2013 г.) // URL: https://www.mfa.gov.cn/rus/wjb/zjzg/dozys/xwlb/201309/t20130911_932202.html.
6. Carrai M. A. China's malleable sovereignty along the Belt and Road initiative: the case of the 99-year Chinese lease of Hambantota port // International law and politics. — Vol. 51. — P. 1061–1099.
7. Rivkin D. W. The Impact of International Arbitration on the Rule of Law. The 2012 Clayton Utz/University of Sydney International Arbitration Lecture // Arbitration international. — Vol. 29. — No. 3. — P. 327–360.

Материал поступил в редакцию 13 марта 2025 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Golubeva I. A., Shuyupova A. Yu., Imanova S. S. Sostoyanie gazopererabotki v Rossii segodnya i v perspektive // Khimicheskie tekhnologii i produkty. — 2022. — № 3. — S. 9–13.
2. Godovoy otchet CIETAC za 2019 g. // URL: <http://www.cietac.org/index.php?m=Page&a=index&id=40>.
3. Doklad o razvitii kitayskogo biznesa v Rossii (za 2021–2022 gg.) // URL: <https://fdi.mofcom.gov.cn/resource/pdf/2025/01/23/e4149bd18d9d428b9b2df9ca56413dc5.pdf>.
4. Rossiysko-kitayskiy dialog: model 2020 // URL: <https://russiancouncil.ru/papers/Russia-China-2020-Report58.pdf>.
5. Si Tszinpin. Rech v Universitete Nazarbaeva (Astana, 7 sentyabrya 2013 g.) // URL: https://www.mfa.gov.cn/rus/wjb/zjzg/dozys/xwlb/201309/t20130911_932202.html.
6. Carrai M. A. China's malleable sovereignty along the Belt and Road initiative: the case of the 99-year Chinese lease of Hambantota port // International law and politics. — Vol. 51. — P. 1061–1099.
7. Rivkin D. W. The Impact of International Arbitration on the Rule of Law. The 2012 Clayton Utz/University of Sydney International Arbitration Lecture // Arbitration international. — Vol. 29. — No. 3. — P. 327–360.